УДК [323.1:314.74:316.48](100)

НЕЧАЕВ Д. Н.,
ВОЛКОВА А. Е.

Модели и практики разрешения этнокультурных противоречий в национальных государствах: международный опыт

На протяжении более чем двадцати лет существования современной России на политической карте мира проблемы, связанные с национальной, религиозной, культурной разнородностью общества, не стали менее острыми. И если в период 90-х годов на передний план выходят вопросы, корреспондирующиеся с сепаратизмом ряда территорий (Чечня, Татарстан, Башкирия и др.), то на рубеже первого и второго десятилетия нового века в иерархии культурных противоречий особое место стали занимать проблемы мигрантов (по данным газеты "Известия", "сейчас проживает около 10 млн. нелегальных мигрантов"[1]), в том числе незаконных, этническая преступность, религиозный (исламско-вахабистский) экстремизм, межнациональные столкновения и др. Кроме того, особое звучание в обществе, научном и экспертном сообществе получает проблема поиска национальной идеи, объединяющей разные слои, группы и этносы, противоречивости и непоследовательности государственной политики в сфере межнациональных отношений. Вместе с тем на пути выработки оптимального подхода в разрешении этнокультурных проблем имеется международный опыт с наличием ряда моделей, который может быть применим в Российской Федерации с учетом ее специфики.

Ключевые слова: мультикультурализм, ассимиляция, интеграция, национальные государства, идентичность, этнокультурные противоречия, государственная политика.

Сущность и особенности модели ассимиляции в национальном государстве. Логично предположить, что любая этническая группа, функционирующая в полиэтническом государстве и иерархичном обществе, неизбежно встает перед выбором адаптивной стратегии. Да и само государство, его институты и политика направлены на реализацию данной адаптивной стратегии. В некоторых из них, таких как Франция, ориентир был выбран в направлении реализации модели ассимиляции. При всей неизбежности межэтнических конфликтов, институты государства пытаются их смягчить или разрешить в процессе реализации тех или иных моделей.

Если мы начнем анализировать Францию, то проблематика ассимиляции встала остро после войны в Алжире в 60-е годы XX века, когда в данной европейской стране начался процесс въезда представителей ее бывших колоний из Африки (арабы, африканцы), который приобрел последовательный и необратимый характер. Причем ставка на ассимиляцию происходит тогда, когда представители того или иного этноса обладают в обществе маргинальным статусом.

Исследователь из США М. Гордон рассматривал семь уровней ассимиляции этнической группы (культурная ассимиляция – изменение особенностей культуры в соответствии с культурой коренного общества; структурная ассимиляция – проникновение в ассоциации и клики коренного общества; брачная ассимиляция; идентификационная ассимиляция – развитие чувства идентичности; ассимиляция на уровне признания социальных установок; ассимиляция на уровне принятия поведения; гражданская ассимиляция)[1]. Российский исследователь А. Налчаджян рассматривает ассимиляцию как "…стремление этнической группы с более низким статусом стать во всем сходной с доминирующей группой и, в конце концов, раствориться в ней"[2].

Он же выделяет три функции ассимиляции: " а) она является механизмом

создания новых этносов (этногенетическим механизмом"; б) она является механизмом или стратегией взаимной адаптации ассимилирующегося и ассимилирующего этносов; в) наконец, ассимиляция является механизмом уничтожения этносов или, говоря иначе, этнонатологическим механизмом"[3]. Различают два общепринятых вида ассимиляции: амальгамацию (смешение) и инкорпорацию (включение, поглощение).

Таким образом, именно Франция стала реализовывать в своей государственной политике модель ассимиляции в ракурсе проблем разнородного государства, которая предполагает полное или достаточно массовое поглощение меньшинств, этнических групп с доминирующей культурной, национальной общностью. И именно Франция, которая вплоть до 90-х годов выступала фактически единственной из стран Запада, стала неким образцом удачной ассимиляции – как гражданская монокультурная нация. Иными словами, как нация-государство без каких-либо политкорректных веяний в своей внутренней политике.

И эта линия поведения имела продуманную и последовательную основу культурного универсализма, с логичным стремлением микшировать, вплоть до нивелировки, этнические и языковые различия. Правда, времена изменились: сначала при президентах Ж. Шираке и Н. Саркози Франция стала допускать вкрапления мультикультурализма, а при социалисте Ф. Оланде она и вовсе стремится наверстать упущенное, создавая условия для обособленности и агрессивного поведения этнических групп и сексуальных меньшинств.

Вместе с тем модель ассимиляции (экономической, социальной, культурной и иных разновидностей) во Франции как сегмент государственной политики не меняется. И в этом отношении логично утверждение К. Манхейма, который отмечает, что "общество, которое полностью использует свои силы для организации, не оставляет достаточной возможности для интроверсии, созерцания, рефлексии. В таком обществе преобладает элита в области политики и организации..."[4].

В рамках процессов глобализации, где на передний план выходят массовые потоки миграции, с которой сталкиваются и Франция, и другие страны Запада, социолог Р. Парк делает акцент на тенденцию закономерного смешения народов. Он обосновал и проанализировал так называемые "циклы расовых отношений", которые обладают определенной повторяемостью. При этом каждый рассмотренный Р. Парком цикл состоит из этапов контакта, соперничества, аккомодации (процесс приспособления) и частичной ассимиляции, которая, по утверждению социолога, считается неотвратимой и логично прогрессивной.

С реализацией модели ассимиляции Франция пошла по пути создания гомогенной нации-государства, другие же государства стран Запада осуществляют разные, более завуалированные меры против этнических групп, кто не говорит на языке титульной нации, исповедует ее религию. Политологи Х. Линц и А. Степан подчеркивают, что "французское государство, вдохновленное якобинской идеей о единой и неделимой нации (nation unie et indivisible), в конечном итоге преуспело в преодолении культурной и языковой гетерогенности страны. Целенаправленный процесс построения нации французским государством оказался на удивление успешным"[5].

Модель единого культурного идентитета (интеграции): опыт, особенности и социально-политический эффект. Вторая модель разрешения конфликтов на культурной и этноконфессиональной почве основана на интеграции. По мнению немецкого исследователя Г. Вайса, "существенным двигателем интеграции... представляется осознанность действий, вытекающая из накапливающегося знания... возрастающая динамика процессов, которые ускоряют интеграцию, неизбежно приведет к сознательной, даже планомерной и все же свободной, то есть основанной на приятии индивидом, смене ценностей"[6].

Причем это делается государственными институтами ненавязчиво, неафишируемо, но в то же время последовательно и настойчиво, демонстрируя "волю к интеграции в немецкое общество" (наиболее распространенная цитата из общественно-политического дискурса), поскольку "...в условиях демократии только наличие особого идентитета может служить стабильным критерием для разграничения

самоопределяющихся политических единиц, отсутствие которого привело бы к их подвижности и хаосу"[7].

Поэтому в ФРГ есть просто немцы, есть немецкие турки, немецкие арабы, немецкие вьетнамцы и др. Кстати, в стране мощный резонанс к укреплению линии по интеграции дала книга Т. Саррацина "Германия: самоликвидация", в которой автор убедительно показывает, что мусульманское сообщество в Германии не стремится к интеграции в немецкую жизнь. Уровень образования и участия в трудовой деятельности иммигрантов остается гораздо ниже уровня коренного населения, что при традиционно высокой рождаемости у мусульман представляет реальную угрозу для страны.

В частности, Т. Саррацин приводит данные о том, что "согласно микропереписи 2007 г. в Германии живет 15,4 млн. человек с миграционной историей... на области происхождения Боснии и Герцеговины, Турции, Ближний и Средний Восток, а также на Африку приходится 4 млн. Мигранты из этих областей происхождения далее будут называться мусульманскими мигрантами... число мусульманских мигрантов в Германии может составлять 6–7 млн."[8]. Именно этот аспект мусульманских мигрантов представляет собой проблему в реализации модели интеграции.

Т. Саррацин вводит и обосновывает применительно к новому феномену "параллельное общество", подчеркивая, что есть мусульманские семьи, которые разделяют немецкие (германские) ценности. "Мусульманские семьи, которые разделяют западноевропейские ценности и серьезно относятся к свободомыслию, не заставляют своих дочерей носить платки и не побуждают остальных членов как-либо визуально отличаться от общественного большинства. Ношение головного платка никогда не выражает одну только религиозность – хорошей мусульманкой можно быть, в конце концов, и без головного платка, а выражает также стремление оптически отграничиться от "неверных"[9].

Несмотря на то, что выводы Т. Саррацина относительно неинтеграции мусульманских мигрантов в немецкое общество вызывали негативную реакцию в определенных сегментах научного и экспертного сообщества, именно федеральный канцлер ФРГ А. Меркель (консервативный блок ХДС/ХСС) первая из глав государств и правительств Европы критично отнеслась к созданию параллельных обществ и попыткам насаждения мультикультурализма в стране, презрительно именовав его "мульти-культи". Это было связано с приоритетом ценностей государства и демократии, поскольку "признание культурной самобытности и обеспечение соответствующих прав различных этносов в рамках одного государства не только не гарантирует от политизации их требований, но и нередко прямо ей способствует"[10].

Мультикультурализм как модель, практики и государственная политика. Категории "мультикультурный", "мультикультурализм" хотя и актуальны сегодня, вместе с тем являются категориями давними и обозначают общества, ставшие таковыми или идущие по этому пути, как отмечает шведский политолог Й. Терборн, ...мультикультурными, "мультиэтничными", "мультирелигиозными", "мультирасовыми", "сегментарными". Они рассматриваются как проявления "культурного плюрализма", "культурных различий" и "метисизации" (Латинская Америка)"[11]. Он же выдвигает обоснование того, что мультикультурализм как практика возник в 70-е годы в сфере политики идентичности и связан с признанием требований афроамериканцев, латиноамериканцев и других этнических групп, феминисток, лесбиянок и гомосексуалистов.

Важно понять, где мультикультурализм признали первыми и официально: это две страны – Канада и Австралия, которые возвели этот феномен в ранг государственной политики в те же 70-е годы. Кстати, мультикультурализм стал третьей влиятельной моделью разрешения сложных этнических, религиозных, расовых, культурных проблем разнородных государств и территорий.

Следует отметить, что в Канаде общество состоит из двух равноправных народов – англофонов и франкофонов – и нескольких десятков национальных общин. "Согласно переписи 1991 года, британцы и французы являются самыми большими группами населения, составляющими 28 и 23% населения, 18% – канадцы смешанного

происхождения (британцы и французы или французы и другие национальности). Около трети населения (31%) составляют другие национальности. Английский язык назвали родным более 58% канадцев, во всех провинциях, кроме Квебека. (Большинство франкоканадцев проживает в Квебеке, где они составляют 82% населения)"[12].

В 1982 г. мультикультурный характер Канады получил конституционное признание в Разделе 27 Канадской Хартии прав и свобод. В 1988 г. Канада стала первым государством-нацией, когда-либо провозгласившим Мультикультурный акт (полное наименование документа – "Акт о сохранении и усилении мультикультурализма в Канаде"). В преамбуле документа утверждается, что Акт адресован всем жителям Канады и направлен на устранение расизма и дискриминации, провозглашение равенства и кросс-культурного понимания, укрепление включенности в гражданское общество, помощь федеральным учреждениям в их ответственности за сохранение культурного разнообразия Канады[13].

В США мультикультурализм не был принят в качестве официальной политики, но само явление отличается большим культурным многообразием, и оно в большей степени, по признанию Й. Тернборна, "…относится к феминизму, движениям черных или афроамериканцев, а также геев и лесбиянок"[14].

Чтобы понять проблему мультикультурализма, достаточно привести данные из одной из последних работ С. Хантингтона "Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности". Он отмечает, что уже "…в 1998 году "рожденные за рубежом" составляли 19 процентов населения Швейцарии, 9 процентов населения Германии, 10 процентов Франции. В Великобритании этот показатель равняется 4 процентам, в Канаде – 17, в Австралии – 23, в США – 10 процентам"[15].

Американский исследователь М. Линд даже предложил историческую периодизацию США, включая ее возможную перспективу. Он в свете этничности выделил англо-Америку до их гражданской войны, евро-Америку, закончившуюся избавлением страны от расизма в 60-е, сегодня существующую мультикультурную Америку, фактически переставшую "быть "плавильным котлом" наций (по Г. Лебону, "плавильным тиглем народов"[16]), и "будущую транс-Америку, нечувствительную к цвету кожи, гендерно-нейтральную, в которой не осталось бы даже самого понятия "иммигранты"[17]. Нужна ли такая перспектива России? Завоевания мультикультурализмом своих ниш не будет триумфальным. Наоборот, его продвижение будет встречать мощное сопротивление со стороны идеологии национализма, консерватизма, либерального центризма, левого эгалитаризма (социализма).

Одной из ключевых характеристик мультикультурализма является его навязчивость и агрессивность, и в этом он похож на своих носителей, к примеру, на мигрантов. Мультикультурализм к тому же и существенное обременение. Дальновидность органов власти и управления заключается в умении найти правильный подход между двумя противоположными рецептами: ставку на аутентичность культуры или на ее адаптивность. В этом отношении власти могут либо поддерживать выживание и аутентичность уже существующих культур, например, исконных для данной территории, либо стремиться поддерживать культурное разнообразие, возможно, даже сомнительное. Исходный пафос концепции мультикультурализма отмечает российский исследователь С. Ушакин. Он отмечает, что "дилемму "культура или культуры" нельзя свести ни к веротерпимости, ни к проблеме многообразия. Ее сущность – политического свойства"[18].

По большому счету, мультикультурализм как политика идентичности приводит экспертное, научное сообщество России, органы власти и управления к важному выбору. Идти ли нам по пути формирования гражданской идентичности "россиянин", прекрасно зная, чем закончилось в СССР создание новой исторической общности "советский народ", и понимания, что на это может пойти только часть русской доминанты, или выбрать путь становления русской нации, в основе которой не столько этнический, сколько цивилизационный компонент, русский язык, общая история, русская культура? Государство понимает роль государствообразующего народа (хорошо русским, хорошо и другим нациям, народам и этносам), оно же, в свою очередь, реализует

политику интеграции в данную нацию-цивилизацию этнокультурных групп, а не возрождает, по мнению руководителя Института этнологии РАН В. Тишкова, “фестивальную формулу “дружбы народов” или более позднего концепта “прав меньшинств”[19].

[1] Gordon M. Assimilation in American life: The role of race, religion and national origins. NY: Oxford University Press, 1964. 288 p.

[2] Налчаджян А. Этногенез и ассимиляция (психологические аспекты). М.: Когито-Центр, 2004. 216 с. С. 150.

[3] Там же.

[4] Манхейм К. Социологические причины культурного кризиса наших дней // Кризис сознания: сборник работ по “философии кризиса”. М.: Алгоритм, 2009. 272 с. С. 175.

[5] Линц Х., Степан А. “Государственность”, национализм и демократизация //Полис. 1997. № 5. С. 9–30. С. 22.

[6] Вайс Г. Трансформация ценностей и интеграция: наброски к вопросу о новой культуре поведения // Общеевропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов /Под ред. Л.И. Глухарева и В. Страды. М.: Изд-во МГУ, 1995. 384 с. С. 233.

[7] Нарочницкая Е.А. Интеграция и национализм: две стороны одной реальности // Развитие интеграционных процессов в Европе. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 160.

[8] Саррацин Т. Германия: самоликвидация: пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012. 400 с. С. 236.

[9] Там же. С. 263.

[10] Нарочницкая Е.А. Интеграция и национализм: две стороны одной реальности // Развитие интеграционных процессов в Европе. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 160.

[11] Терборн Й. Мультикультурные общества // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала “Социологическое обозрение”. СПб.: Владимир Даль, 2008. 831 с. С. 162.

[12] Балицкая И.В. Образование в современной Канаде: монография / И.В. Балицкая, Л.В. Волосович, И.И. Майорова. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. 124 с. С. 58.

[13] An Act for the preservation and enhancement of multiculturalism in Canada // R.S.C. 1985. P. 2

[14] Терборн Й. Мультикультурные общества // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала “Социологическое обозрение”. СПб.: “Владимир Даль”, 2008. 831 с. С. 178.

[15] Хантигтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с. С. 281.

[340]16во “КСП+”, 1998. 416 с. С. 18.

[17] Lind M. Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution. NY: The Free Press, 1995. 448 p.

[18] Ушакин С. Мультикультурализм по-русски, или О возможности педагогики постмодерна в России // Полис. 1997. №4. С. 117 – 124. С. 12.

[19] Тишков В. Путь к себе // Российская газета. 2012. 24 авг.